

Мышь и воробей

Не в котором царстве, не в котором государстве жили-были мышь да воробей. Вот эта мышь да воробей в одной норке жили много время и кормились, значит, зернышками разными.

Вот однажды и натаскали они этих зернышков и стали эти зернышки делить промеж собой. Вот они делили, делили, и увидали, что одно зернышко лишно доспелось (оказалось). Воробей и говорит: «Как же, — говорит, — мы разделим это зернышко?» — и отвечает ему мышь: «Станем это зернышко перекусывать. Давай-ка-ся, я перекушу его!» — А воробей и говорит: «Нет, давай я перекушу!» — Спорили, спорили, а воробей так взял это зернышко, стал его перекусывать — да и проглотил.

Мышь осердилась на воробья и давай же она с ним драться. Вот они дрались, дрались — некоторый некоторого не может переколотить. Вот они и стали зазывать на драку: мышь зазывала зверей разных и медведя созвала, а воробей — птиц разных: орлов, соколов и других всяких птиц, и жар-птица ту така же прилетела.

И давай же все эти птицы драться с медведем. Дрались, дрались, а медведь не поддается им. Вот и сама жар-птица почала с медведем драться... Вот она дралась, дралась; до того, значит, дралась, что крыло свое изломала.

Вот как изломала она это крыло свое, и полетела тогда в лес. Прилетела она в лес и села на одну лесину и сидит. Вот идет по этому по лесу Иван крестьянский сын. И увидел он на лесине жар-птицу и хочет ее застрелить. И говорит ему жар-птица: «Иван крестьянский сын! Не стреляй-ка-сь ты в меня: я тебе много сделаю добра! Лучше сними меня с лесины да унеси к себе домой!»

Вот и взял ее Иван крестьянский сын и унес к себе домой — и стали они жить. Вот живут они день и другой день живут, и неделю уж прожили. Вот жар-птица и начала выздоравливать. Вот не в долги, в коротки и выздоровела она. Вот как выздоровела она, зажило, значит, крыло-то, и стала она тогда проситься на волю, домой, значит.

И говорит жар-птица Ивану крестьянскому сыну: «Поедем, — говорит, — со мной в гости к моим сестрам: я тебя доведу на себе!» — Вот и сел Иван

крестьянский сын на жар-птицу, и полетели они в гости к наибольшей сестре.

Прилетели они к наибольшей сестре, и сестра эта обрадовалась им. Вот и начала она их потчевать. Вот погостили они сколя, много-мало, и время уж домой. Вот жар-птица и говорит наибольшей своей сестре: «Давай-ка-ся мне, сестра, батюшкино-то благословенье, сундучок-от!» — «И что ты, сестрица! Нет, не отдам ни за что!» — «Ну, не отдашь, так владей им, Бог с тобой!»

И осердилась жар-птица, и полетела она с Иваном крестьянским сыном к другой сестре, ко средней, значит. Вот они летят, летят; вот жар-птица и говорит Ивану крестьянскому сыну: «Оглянись-ка назад-то, да посмотри-ка-ся, что тамока делается». — Вот как оглянулся Иван крестьянский сын, и увидел, что назаде-то тамока пожар, горит. Вот и спрашивает он жар-птицу: «Что это горит?» — И отвечает жар-птица: «А это горит город сестры! Я зажгла его за то, что она не отдала мне-ка сундучок тот!»

Вот они летят, летят, и прилетели к средней сестре. И эта, середняя сестра, тоже обрадовалась им и не знает, чем их потчевать. Вот и у этой сестры они погостили сколя. Вот как уж зандобилось им отправляться в путь-дорогу, жар-птица и говорит этой средней сестре своей: «Отдай-ка, — говорит, — мне-ка батюшкино-то благословенье, сундучок-от!» — «И что ты, сестрица! Как это можно отдать сундучок?» — И не отдала, значит.

Вот жар-птица осердилась и на среднюю сестру свою и полетела с Иваном крестьянским сыном к третьей сестре своей. Вот и опять летят они сколя, много-мало; вот опять жар-птица и говорит Ивану крестьянскому сыну: «А посмотри-ка, — говорит, — что опять назаде-то делается?» — Вот как посмотрел Иван крестьянский сын, и увидел опять, что пожар, горит. И спрашивает опять у жар-птицы: «А что это горит?» — «А это горит город средней моей сестры: я зажгла его за то, что не отдала она сундучок».

Вот и прилетели они к самоменьшой сестре; эта сестра еще пуще обрадовалась им и не знает, чем их потчевать-то. Вот и стали они гостить тутак; вот погостили сколя и начали опять собираться в путь-дорогу, домой уж, значит. Вот как начали собираться, жар-птица и говорит этой сестре своей: «Отдай, — говорит, — мне-ка сундучок-от, батюшкино-то благословенье!» — И стала, значит, просить ее. Неохото было отдать и этой сестре сундучок, а отдала-таки.

Вот жар-птица взяла этот сундучок, распростилася с сестрой и полетели с Иваном крестьянским сыном, к себе-ка, домой. Вот приехали они, прилетели, значит, в то место, где жительство имела жар-птица. Вот и стала эта жар-птица угощать Ивана крестьянского сына всякими разными кушаньями; пировать стали, веселиться. Вот и погостил тутака и дивно-таки время Иван крестьянский сын, вот и пора уж настала домой собираться. Вот и стал он собираться домой.

Вот как стал он собираться домой, жар-птица и говорит ему: «Ну, Иван крестьянский сын, ты для меня делал добро, теперь мне нужно для тебя что-нибудь сделать. Возьми-ка, — говорит, — этот сундучок: я тебе его подарю. Да смотри, не открывай ты этот сундучок дорогой, а когда домой придешь, тогда и открой его!» Вот взял Иван крестьянский сын сундучок этот, распростился и пошел в путь-дорогу, восвояси.

Вот и идет он. Вот он шел, шел, а дивняжно еще до двора; а его так и подмывает поглядеть в сундучок-от. Не мог он утерпеть, взял да и отворил его. Как только отворил он этот сундучок, и вдруг увидал, что он в больших таких палатах. Поглядел в окно и видит, что он в городе; а народу видимо-невидимо, кишит просто.

Так-то и сделался он царем и стал, значит, править этим государством. Вот когда сделался он царем, достал тут отца и мать. И стали они жить да быть, да и топеречь живут.

(Зап. И. Потаповым)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.

Читайте также русскую народную сказку "[Морской царь и Василиса Премудрая](#)".